

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

К.А. АВЕРЬЯНОВ

РОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Взгляд из XXI века

Константин Александрович Аверьянов
Рождение Древней Руси.
Взгляд из XXI века
Серия «Новейшие исследования
по истории России», книга 22

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48608170

Рождение Древней Руси. Взгляд из XXI века. / Аверьянов К.А.:

Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-08898-7

Аннотация

Ни один сюжет русской истории не вызывал такой ожесточенной полемики, как вопрос о происхождении Древнерусского государства. Начиная с XVIII в. исследователи спорят – кем являлись варяги, откуда пришел на Русь Рюрик? На протяжении уже почти трех столетий по этому поводу историками была высказана масса аргументов как «за», так и «против» той или иной версии, изучены, казалось бы, все имеющиеся источники, но спор между исследователями продолжается до сих пор. Автор книги находит новые, порой неожиданные аргументы в пользу своей точки зрения.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	16
Древнейшие этапы освоения человеком территории Восточной Европы	17
Древние племена Восточной Европы: киммерийцы и тавры	33
Скифы	42
Соседи скифов	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Константин Аверьянов

Рождение Древней Руси.

Взгляд из XXI века

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Рецензенты: чл. – корр. РАН А.Н. Сахаров, д. и.н. Д.М. Володихин

Карты: В.Н. Темушев (НАН Беларуси) и С.Н. Темушев (БГУ)

На обложке: картина Г.И. Семирадского «Похороны знатного руса в Булгаре» (1883 г.)

Предисловие

Для читателя, взявшего в руки данную книгу, необходимо сделать несколько общих замечаний. Как видно из ее названия, она посвящена происхождению Древней Руси.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что в настоящий момент этот период является едва ли не самым обширным «белым пятном» отечественной истории. Даже у специалистов вопросов о событиях данной эпохи гораздо больше, чем ответов. Несмотря на то что она, начиная с работ Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева и других исследователей XVIII в., изучается почти три столетия, многие ее сюжеты до сих пор остаются дискуссионными. Таков, к примеру, продолжающийся несколько столетий знаменитый спор, получивший в историографии название «варяжского вопроса», о том, кем был по происхождению основатель древнерусской княжеской династии Рюрик и откуда он пришел на Русь.

Ни один из сюжетов русской истории не вызывал такой ожесточенной полемики, как рассказ летописца о «призвании варягов». Впоследствии он породил знаменитую дискуссию «норманистов» и «антинорманистов», продолжающуюся вплоть до сегодняшнего дня. При этом споры исследователей практически сразу же вышли за академические рамки, перейдя в плоскость политических дебатов. Главный вопрос дискуссии фактически был подменен другим – поскольку

ку своим возникновением Русь была обязана если не завоеванию иноземцами, то, по крайней мере, иностранному влиянию, то в какой степени этот фактор играл свою роль в дальнейшем? В ходе споров противоположные стороны, не находя нужных аргументов, нередко прибегали, да и поныне прибегают к упрекам в «космополитизме» или, наоборот, в «отсутствии патриотизма», навешиванию политических ярлыков, а то и прямым доносам на своих противников.

Во многом это связано с крайней скудостью источников по истории Древней Руси. По сути дела, основным источником, последовательно рассказывающим о судьбах страны в древнейший период, является небольшая по объему Начальная летопись, или «*Повесть временных лет*»¹. Что касается остальных письменных источников отечественного происхождения, то они носят крайне отрывочный характер. Это произошло из-за того, что огромное число когда-то существовавших исторических документов не дошло до нас, погибнув во время вражеских нашествий от многочисленных пожаров и других стихийных бедствий. Иногда они просто уничтожались по невежеству.

Попытаемся оценить размеры имеющихся лакун. Сделаем это на примере числа городов, когда-то существовавших в Древней Руси и упоминаемых летописцем. По подсчетам академика М.Н. Тихомирова, в летописях за период IX – начала XIII в., то есть до нашествия Батыя, назван 271 город.

¹ Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1999 (Далее: ПВЛ).

Позднее выяснилось, что к этой цифре следует добавить еще 143 города. Судя по археологическим данным, они возникли еще в древнерусский период, но попали на страницы летописей лишь во второй половине XIII–XV в. Отсюда можно говорить, что в нашем распоряжении имеются летописные данные о существовании 414 древнерусских городов. В то же время археологами на территории, некогда принадлежавшей Древнерусскому государству, было зафиксировано существование примерно 1400 городищ (укрепленных поселений) X–XIII вв. Таким образом, оказывается, что в письменных источниках упоминается менее 30 % когда-то существовавших городов Древней Руси. При этом необходимо учитывать, что по разным регионам соотношение упоминаемых в летописях и «безымянных» городов колеблется от 1:3 до 1:7.

Укажем еще на одно обстоятельство. Как известно, «Повесть временных лет» датирует призвание Рюрика на Русь 862 г. Но сама летопись была составлена лишь в начале XII в., то есть спустя несколько столетий после описываемых в ней событий. Наиболее ранний ее список – *Лаврентьевский* – сохранился от последней четверти XIV в., а второй по древности – *Ипатьевский* – дошел от первой четверти XV в.²

Поскольку многие данные по истории Древней Руси приходится черпать из источников, написанных не современниками, а много позже, в них приходится сталкиваться с иска-

² Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997; Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998 (Далее: ПСРЛ).

жениями и различного рода поновлениями, возникавшими в результате того, что летописец не совсем четко понимал прошлую реальность. В частности, автор «Повести временных лет», пересказывая под 907 г. договор Олега с Византией, сообщает, что в Константинополь среди прочих приходили русские купцы из Переяславля (современный Переяслав-Хмельницкий на Украине). Ту же норму видим и в аналогичном договоре Игоря, помещенном летописцем под 945 г. В то же время н. э.ого же источника выясняется, что Переяславля в это время еще не существовало, поскольку под 992 г. говорится об основании города Владимиром Святым³.

Чрезвычайно малое число источников по истории Древней Руси приводит к тому, что исследователь зачастую вынужден выстраивать свои концепции на одном или нескольких свидетельствах источников. Это же обстоятельство приводит к тому, что на истории Древней Руси паразитирует большое количество псевдоученых, а иногда и просто шарлатанов. Они создают «новую хронологию», или изобретают могучую языческую державу, потрясавшую мир несколько тысячелетий назад, или отыскивают истоки русского народа в Шумере и Вавилоне. В последнее время к ним добавились наши беспокойные соседи, на полном серьезе полагающие, что современная Россия украла у них историческое название «Русь».

³ Пвл. С. 17, 24, 54–55.

Неудивительно, что в этих условиях усилия серьезных исследователей в первую очередь направлены на поиск других источников, которые могли бы добавить хоть крупицу нового знания о Древней Руси. При этом зачастую складывается ситуация, когда с появлением хотя бы одного нового источника прежние, казавшиеся незыблемыми, версии становятся лишь предметом историографического интереса.

Первым шагом в этом направлении стал поиск иноязычных источников, поскольку ни одна страна никогда не существует отдельно сама по себе: ее неоднократно посещают ближние и дальние соседи, зачастую оставляющие письменные свидетельства о своих поездках. Не являлась исключением и Древняя Русь. Сохранился целый ряд свидетельств восточных, византийских, западноевропейских, скандинавских авторов об интересующем нас времени. Но и здесь встает вопрос об их объективности. Насколько точно и верно может описать жизнь другого народа очевидец, пусть и внимательный, но зачастую не знающий его языка, обычаев и нравов и вынужденный получать информацию через посредство переводчика или по рассказам других людей?

С другой стороны, задачу понимания иностранных источников облегчает то обстоятельство, что зачастую в различных странах идут одни и те же процессы. Изучая их в одной стране, можно полагать, что в ту же историческую эпоху и у соседей шли похожие, тем более что никто не отрицает

активного взаимодействия Древней Руси с другими государствами. Все это приводит к тому, что древнейшую историю нашей страны следует излагать не саму по себе, в рамках чисто национальной истории, а на широком фоне тогдашней мировой истории.

Вместе с тем в ходе написания книги и ее обсуждения в профессиональном кругу автору пришлось столкнуться с определенной косностью мышления ряда коллег, с тем, насколько чужды для многих обладателей даже высоких ученых степеней новые точки зрения на привычные для них взгляды на происхождение Древней Руси. Несмотря на очевидные аргументы и прямые свидетельства источников, многие по-прежнему цепляются за устаревшие теории, высказанные порой еще в XVIII в., забывая, что историческая наука развивается и не стоит на месте. В ход идут либо замалчивание, либо различные отговорки для того, чтобы не признаться в своих ошибках. Между тем их признание – это не показатель слабости, а подтверждение зрелости и мудрости исследователя. Данная книга имеет подзаголовок «Взгляд из XXI века». Это сделано не случайно, а в надежде, что непредвзятый читатель сам оценит доводы автора и тех исследователей, с которыми он спорит, по важнейшим вопросам древнерусской истории.

Общие правила написания научных работ обычно требуют подробного разбора мнений предшественников, анализа их позиций и доводов. Но в данном случае мы решили отка-

заться от этого, поскольку дискуссия о происхождении Древней Руси начиная с середины XVIII в. вылилась в огромное количество книг и статей. Достаточно сказать, что только одному небольшому по объему памятнику древнерусской литературы, как «Слово о полку Игореве», посвящена вышедшая в 1995 г. пятитомная «Энциклопедия „Слова о полку Игореве“».

Подобное обилие литературы по истории Древней Руси, как научной, так и околонучной, заметно расширило бы объем нашего исследования и является задачей совершенно иного исследования историографического характера. Поскольку в основу книги положены в первую очередь источники, то постраничные ссылки даны исключительно на них, с тем чтобы читатель в первую очередь мог самостоятельно проверить основанные на них те или иные доводы автора. Что же касается высказанных ранее позиций других исследователей, то в конце каждой главы дается перечень главнейших работ по той или иной проблеме, по которым читатель может проследить ход научных дискуссий. Подобный подход не является чем-то новым. К примеру, авторы вышедшей в 2014 г. энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире» также отказались от рассмотрения историографических понятий и схем, поскольку это является предметом самостоятельного исследования.

Следует отметить еще одну особенность данной книги. Хронологически рамки образования Древнерусского госу-

дарства можно обозначить периодом с середины IX в. – призывания Рюрика на Русь – до середины XI в. – времени правления великого князя Ярослава Мудрого, окончательно объединившего страну из отдельных, прежде разрозненных славянских племен. При этом мы не ограничиваемся указанным периодом, а расширяем его за счет предшествующего времени, которое условно можно назвать «предысторией Древней Руси».

Это связано с тем, что на огромных пространствах Восточной Европы, где, собственно, и зародилась Древняя Русь, проходили сложные процессы взаимодействия различных древних племен. Целый ряд исследователей видел в них если не прямых предков, то предшественников славян, ставших основой населения Древней Руси. Изучение их миграций, взаимодействия между собой и соседями позволяет дать цельную картину исторических процессов, предшествовавших возникновению Древнерусского государства, а значит, дает возможность проследить причины многих важных исторических процессов, в той или иной степени отразившихся на его истории.

Одновременно нам приходится затрагивать события и явления, выходящие за верхние хронологические рамки работы. Связано это с вышеотмеченными особенностями источников по истории Древней Руси, когда исследователь нередко вынужден обращаться к материалам более позднего времени.

Наконец, укажем еще на одну особенность книги. Историей возникновения Древнерусского государства на протяжении поколений занимались лучшие умы отечественной и мировой науки. За это время ими, если так можно выразиться, буквально «под микроскопом» были рассмотрены все имеющиеся в наличии источники по данной проблематике, высказаны все доводы как *pro*, так и *contra*. В этих условиях встает закономерный вопрос: может ли автор сказать что-то новое по сравнению с предшественниками?

Оказывается, что это вполне возможно. Данную возможность дает использование в работе методов *исторической географии*, положенных в основу данной работы. И хотя еще в XIX в. Н.И. Надеждин (1804–1856) писал, что «первой страницей истории должна быть географическая ландкарта: должна не как только вспомогательное средство, чтобы знать, где что случилось, но как богатый архив самых документов, источников», это пожелание в отечественной историографии осталось неисполненным. К сожалению, литература по исторической географии Древнерусского государства крайне скудна. Можно отметить лишь во многом устаревшие к нынешнему времени монографии Н.П. Барсова и А.Н. Насонова, специально посвященные данной тематике, и несколько отдельных изданий общеисторического плана, в которых хоть в какой-то степени затрагиваются историко-географические сюжеты. Показательно, что самые известные общие труды и лекционные курсы по отечественной

истории, такие как труд С.М. Соловьева, курсы В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, не снабжались картами. Подобная ситуация во многом характерна и для современной научной литературы.

Однако в целом ряде случаев только использование историко-географического метода позволяет ответить на вопросы, на которые не способна дать ответ историческая наука в чистом виде. Часть исследователей, ссылаясь на источники, до сих пор полагает варягов скандинавами, а точнее, шведами, считая, что они жили на Скандинавском полуострове. Казалось бы, об этом прямо свидетельствует такой источник, как Вертинские анналы, именующий древних русов свеонами. Между тем привлечение данных исторической географии позволяет, на наш взгляд, однозначно решить данный вопрос. Под 1201 г. Новгородская первая летопись сообщает: «А варягы пустиша без мира за море... А на осень приидоша варязи горою (т. е. по суше)»⁴. Сопоставляя это свидетельство источника с картой, становится понятным, что варяги никоим образом не могли быть скандинавами, поскольку, добравшись до Швеции морем, они вряд ли могли вскоре возвратиться оттуда посуху, идя непроходимым тогда путем вдоль побережья Ботнического залива. Тем самым район поисков местожительства варягов резко сужается, а благодаря историко-географическому анализу других источни-

⁴ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 240.

ков определяется окончательно.

Тем самым, с учетом выше охарактеризованных особенностей книги, для нас открывается возможность увидеть реальную историю Древней Руси.

Литература

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1873 (2-е изд. Варшава, 1885; переизд: М., 2012); **Насонов А.Н.** «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951 (переизд.: СПб., 2002 и 2006).

Глава 1

Предыстория

Древнейшие этапы освоения человеком территории Восточной Европы: палеолит, мезолит, неолит и бронзовый век. Древние племена Восточной Европы: киммерийцы и тавры. Скифы. Соседи скифов. Древнегреческие причерноморские колонии. Сарматы

Древнейшие этапы освоения человеком территории Восточной Европы

Историю любой страны обычно принято начинать с того момента, когда на ее территории появляется народ, давший ей современное название. Исходя из этого положения историю Древней Руси следовало бы начать с момента образования Древнерусского государства в середине IX в. Однако этому предшествовала многовековая история народов, проживавших на территории Восточной Европы с глубокой древности.

Но где тот начальный пункт, с которого следует вести отсчет предпосылок возникновения Древней Руси? Некоторые исследователи считают, что его следует начинать с VI в. н. э., поскольку именно с этого момента в письменных источниках появляются первые сведения о славянах, составлявших основу населения Древнерусского государства. Другие полагают, что историю древних славян следует начинать с Трипольской археологической культуры на территории современной Украины, возникшей в конце 4-го тыс. до н. э. (Позднее ее начальная дата была удревнена до 6-го тыс. до н. э.) Именно в ней стали видеть начальный пункт истории славянства.

В данных условиях более верным представляется другой

подход: поскольку любые народы и государства действуют на определенном географическом пространстве, историческую географию Древней Руси следует излагать со времени освоения территории Восточной Европы человеком.

Начало этого процесса относится к периоду *палеолита* (по-гречески *палайос* – древний, *литос* – камень), который является древнейшей, наиболее длительной эпохой в развитии человечества и характеризуется как время существования ископаемого человека, а также ископаемых, ныне вымерших животных. Хронологически он охватывает большую часть (около 99 %) времени жизни человечества и совпадает с большим подразделением четвертичного геологического периода – *плейстоценом*. Начало палеолита отмечено появлением на Земле древнейших гоминид (обезьяноподобных людей), изготовлявших примитивные каменные галечные орудия (около 2,5–2,6 млн лет назад). Конец палеолита, переход от него к промежуточной эпохе, мезолиту, датируется на территории нашей страны примерно 10 тыс. лет до н. э.

Термин «палеолит» был впервые введен в научный оборот Дж. Леббоком (1834–1913) в 1865 г. В целом он подразделяется специалистами на несколько эпох: *олдувайскую* и *ашельскую*, *мустьерскую*, которую сменяет поздний, или *верхний, палеолит* (с более дробным членением на периоды и культуры). Олдувай, ашель и мустье обычно принято обозначать под названием раннего (или нижнего) палеолита. Некоторые исследователи придерживаются трехчленной схемы,

выделяя эпоху мустье в средний палеолит. Также существуют определенные разногласия по поводу датировок палеолитических эпох. Согласно новейшим разработкам на основе радиоизотопных методов датирования, олдувайская эпоха продолжалась до времени около 1,6 млн лет назад, ашельская – до 250 тыс. лет назад, мустьерская – до 30–40 тыс. лет назад.

В настоящее время в границах современной России известно несколько сот палеолитических памятников. При этом следует отметить, что некоторые из палеолитических эпох на территории страны не представлены. Связано это с тем, что процесс заселения территории земного шара первыми людьми был очень длительным и сложным процессом. Освоение новых территорий осуществлялось, по-видимому, из разных центров первоначального обитания человека, в разное время и имело разные масштабы. Огромную роль в этом процессе играли изменения в уровне развития материальной культуры.

Рис. 1. Археологическая периодизация каменного века

По предположению специалистов, расселение происходило небольшими группами, вероятно по 30–40 человек. Также были предприняты попытки подсчитать предполагаемую скорость продвижения. По мнению ряда антропологов, люди перемещались в течение жизни одного поколения в среднем на 10 км. Правда, сразу следует оговориться, что эта цифра, пригодная для оценки скорости миграций в межконтинентальных масштабах, базируется на целом ряде упрощений, в частности на постулате, согласно которому миграция имела изначально направленный линейный характер и занимала всю пройденную территорию. На практике, судя по всему, расселение людей носило пульсирующий веерообразный характер. Те или иные группы населения занимали новые очаги расселения, отделенные от прежних довольно значительными расстояниями, и только потом новые и ста-

рые зоны расселения постепенно сливались. Также можно полагать, что основными путями миграций в этот период являлись морские побережья и долины рек. Это приводило к определенной скованности освоения новых земель в стороне от них (карта 1).

Необходимо остановиться еще на одном обстоятельстве. Огромные расстояния и относительно невысокая общая скорость передвижения людей зачастую приводили к тому, что те или иные их группы оказывались в длительной изоляции друг от друга (порой до 25 тыс. лет). Незначительная численность отдельных групп людей в этот период была зачастую критической. В некоторых случаях она приводила к вымиранию, в других, из-за невозможности обновления и обогащения генофонда, ее следствием являлось то, что постепенно накапливались генотипические и фенотипические различия. Особенно это касалось групп, вырвавшихся далеко вперед. Следствием этого являлось то, что формировались отдельные подвиды рода *Homo*.

По известным в настоящее время материалам наиболее древние палеолитические памятники на территории нынешней России расположены в районах Кавказа, Прикубанья, нижнего Дона, примыкающих к зоне, в которой происходило выделение человека из животного состояния. Судя по всему, появление здесь первых людей относится к ашельской эпохе (карта 2).

Более сложным представляется вопрос с определением

времени и путей первого проникновения людей на основную территорию Русской равнины. Особенностью палеолита является то, что в этот период происходили глобальные изменения климата, в частности наступления материковых ледников, захватывавших огромные территории Евразии. Ледники покрывали свыше 20 % территории современной России. Неоднократность оледенений была вызвана ритмическими изменениями климата, чередованием теплых и холодных, влажных и сухих периодов. Считается, что за последние 900 тыс. лет было девять глобальных похолоданий и оледенений и столько же потеплений. Следовательно, продолжительность одного цикла (похолодание – потепление) составляла около 100 тыс. лет. Из них лишь около 10 % времени приходилось на периоды потеплений, остальное – на холодную часть цикла. В настоящее время идет голоценовое межледниковье, начавшееся около 10 тыс. лет назад.

Во время максимального *Днепровского* (в Сибири – *Самаровского*) оледенения (около 200 тыс. лет назад), опускавшегося двумя большими языками по Днепру и Дону, в пределах Русской равнины возможность обитания первобытного человека сохранялась только в самых южных районах.

Вслед за отступлением ледника к северу продвигались и первобытные люди. Благоприятные условия Микулинского межледниковья, сменившего Днепровское оледенение, позволили людям освоить пространство Русской равнины примерно до 54° с. ш. Заселение умеренной зоны, в которой

отчетливо выражаются сезонные климатические колебания от высоких летних до низких зимних температур с длительным снежным покровом, стало возможным только после получения человеком способов искусственного разведения огня, создания утепленных жилищ и теплой одежды. Именно огонь, жилище и одежда стали основными достижениями человечества, сыгравшими наряду с развитием охотничьего снаряжения, главную роль в расширении первоначальной территории обитания предков человека и первых людей. Можно предположить, что основное проникновение человека на восток Европейского континента происходило в мустьерскую эпоху с юга Западной Европы (карта 3).

Днепровское оледенение не было единственным на территории Русской равнины. Ледник снова наступал и отступал, а вслед за ним изменялось и расселение первобытного человека. При этом на фоне дальнейшего развития материальной культуры меняется и характер миграций первобытных людей. Для мустьерского времени уже характерна длительная оседлость. Памятниками этого времени на европейской территории России стали стоянки Сунгирь и Костенки, в Сибири – Мальта, Буреть и др. Вследствие приспособления людей к изменениям климата ареал обитания человека в результате новых наступлений материковых ледников сокращался не так резко, как в предшествующую эпоху. Все это привело к тому, что в период последнего крупного по времени Валдайского оледенения (около 20 тыс. лет назад) первобытные

люди смогли в целом удержаться на прежних местах своего обитания.

Эпоху палеолита около 10 тыс. лет до н. э. сменил *мезолит* (по-гречески *мезос* – средний, *литос* – камень). Впервые термин «мезолит» для обозначения промежуточной эпохи использовал ирландский ученый Х.М. Уэстропп в 1866 г., после того как Дж. Леббок в 1865 г. разделил каменный век на палеолит и неолит. Вплоть до 1930-х годов этот термин оставался малоупотребительным, пока Дж. Кларк не предложил рассматривать мезолит как эпоху адаптации человека к резко изменившимся природным условиям. Обычно начало мезолита соотносят с окончанием плейстоцена и началом *голоцена* – современным, еще незавершенным этапом геологической истории Земли, в течение которого очертания рельефа и береговой линии приняли современный вид, сложились нынешние географические зоны (карта 4).

Этот период, хронологически продолжавшийся до 5 тыс. лет до н. э., характеризуется бурным отступлением ледника (до 160 м в год) и приближением природных условий к современным. Глобальное потепление привело к новым формам адаптации человека к окружающей среде.

Основой экономики, как и в позднем палеолите, остается охота. Но ее характер резко меняется. В Европе исчезли (или их количество и ареал резко сократились) крупные млекопитающие (мамонт, шерстистый носорог и др.), служившие для многих коллективов людей основным источником пищи.

Это привело к их дроблению на небольшие подвижные группы, которые постепенно осваивали новые пространства.

Лук, изобретенный в позднем палеолите, утверждается в качестве основного охотничьего вооружения. Загонная охота, столь распространенная в предшествующую эпоху, сохраняется, вероятно, только как ее эпизодическая форма. Возникают новые, специфические формы охоты, как, например, охота на птицу. Такое развитие различных форм охотничьего хозяйства было незнакомо палеолитическому человеку и предполагает расцвет присваивающего хозяйства. Именно в мезолите целенаправленным, а не эпизодическим становится рыболовство, что подтверждается изобретением лодок, сетей, верш и т. п. Судя по всему, именно в этот период получают начало некоторые формы доместикации животных, первым из которых была домашняя собака. Усложняется собирательство.

Все эти явления привели к тому, что человек стал менее зависим от колебаний климата и, как следствие этого, усложнилась социальная организация населения. Ярким показателем этого является увеличение количества археологических культур, занимаемой ими площади. Общности людей принимают все более устойчивый характер. Это позволило человеку проникнуть в более суровые климатические зоны вплоть до 72° с. ш. на Таймыре.

Эпоха *неолита* (по-гречески *неос* – новый, *литос* – камень) стала важным этапом в освоении территории нашей

страны. В отличие от палеолита и мезолита неолит относится уже к следующему этапу четвертичного периода – голоцену или, иными словами, геологической современности.

Общие хронологические рамки неолита в границах современной России определяются приблизительно 5 – 3-м тыс. до н. э. Современные исследования, основанные на радио-углеродных датах и других данных естественных наук, в последнее время наметили тенденцию к общему удревнению начала эпохи неолита до 6-го тыс. до н. э.

Неолитическая эпоха стала важнейшим историческим этапом в развитии человеческого общества. Именно в этот период оно столкнулось с первым серьезным экономическим кризисом в своей истории. До сих пор главным занятием и основой хозяйства людей являлись охота и собирательство. Однако общее увеличение численности населения в регионах, наиболее приспособленных для жизни тогдашних людей, привело к истощению охотничьих угодий. По очень приблизительной оценке, на территории бывшего СССР тогда обитал примерно 1 млн человек (из 30 млн людей, живших на всей Земле).

Нехватка пищевых ресурсов привела к тому, что тогдашним человеческим коллективам необходимо было искать пути приспособления к новым условиям жизни. Часть людей покинула прежние места обитания и расселилась на новых, еще не освоенных землях. Этому во многом способствовало то, что начало неолита (5—4-е тыс. до н. э.) ознамено-

валось благоприятными природными условиями к северу от 52–54° с. ш. Климат этого времени отличался от современного меньшей континентальностью и значительно большей (на один месяц) длительностью безморозного периода. Граница лесной зоны на севере проходила на 400–100 км выше современной. Это привело к тому, что именно в данное время были освоены все пригодные для обитания регионы современной России. В Восточной Европе, Сибири, на Дальнем Востоке на протяжении неолита завершилось освоение человеком самых отдаленных территорий, начатое еще в мезолите, когда отдельные коллективы охотников и собирателей достигли окраин Евразии, включая тундру и Заполярье.

Однако кризисная ситуация, вызванная относительным перенаселением, вызвала не только миграции людей на еще незаселенные территории, но также стала причиной качественного скачка в развитии хозяйства, который в литературе получил название «*неолитическая революция*» (термин введен в 1930—1940-х гг. Г. Чайлдом).

В экономическом отношении значение этой эпохи состоит в переходе от присваивающей экономики к *производящему хозяйству*, когда человек от простого присваивания природных богатств (в виде охоты, рыболовства и собирательства) приступил к их производству, пока еще в форме примитивного земледелия и скотоводства. По некоторым данным, обеспеченность продуктами питания населения, занимавшегося земледелием, превышала обычную для лесохот-

ников в 5–7 раз. При этом следует учесть, что если при охотничьем хозяйстве на каждого едока в умеренном поясе требуется 10 км^2 охотничьих угодий, то при самом примитивном животноводстве эта цифра сокращается до 1 км^2 .

Первые очаги производящего хозяйства возникают в наиболее благоприятных для этого местах – по долинам южных рек, в степях. Результатом целенаправленного возделывания растений и выращивания скота стало создание избыточных пищевых ресурсов, что сделало человека менее зависимым от природы.

Однако было бы неверным полагать, что эти качественные изменения были свойственны только для ранних земледельцев и скотоводов. Даже там, где господствовали традиционные формы хозяйства, происходят серьезные изменения. Если в мезолите главным занятием и основой хозяйства населения являлась охота, а рыболовство и собирательство не имели решающего значения, то в неолите для многих регионов – в основном для прибрежных районов морей, озер и крупных рек – именно рыболовство и морские промыслы становятся определяющими видами хозяйства. Все это привело к тому, что спектр охотничьей добычи стал более разнообразным, складывается новая система жизнеобеспечения, основанная на добыче разнообразных пищевых продуктов, что, в свою очередь, придавало экономике охотников и собирателей более устойчивый характер. Усовершенствование форм охоты и рыболовства, проведение сезонных охот и промыслов бы-

ли направлены на создание запасов пищи, обеспечивавших существование больших коллективов в течение длительных периодов (карта 5).

В итоге подобные изменения привели к оседлости населения. Показателем перехода к оседлому или более стабильному образу жизни можно считать появление глиняной посуды, которая нередко служила для хранения запасов продуктов животного и растительного происхождения. Все это позволило тогдашнему населению достичь относительно высокой степени адаптации к природным условиям, создать относительно надежную экономику, обеспечивавшую общее развитие и рост народонаселения.

Результатом дифференциации хозяйства стало то, что складываются большие *этнокультурные общности* со своими определенными территориями. Начиная с неолита практически вся территория нынешней России разделяется на две большие части. В северной, лесной, половине размещаются культурно-исторические общности с охотничье-рыболовецким хозяйством, в южной, степной, – с земледельческо-скотоводческим хозяйством.

Продолжением неолита явился *бронзовый век*, начало которого совпало с освоением металлургии бронзы. Эксперименты современных ученых с каменными и медными теслами показали, что вторые по количеству времени, затраченного на изготовление лодки-долбленки, на 25 % действеннее. Пластичность меди позволяла получать орудия неизвест-

ной ранее эффективности, в частности рыболовные крючки. Один металлический нож заменял собой целый ряд вкладышевых орудий, использовавшихся ранее.

Историческая значимость открытия меди состоит в том, что оно не только повысило производительность труда, обогатило производственный процесс в целом и дало лучшие возможности для распространения технического опыта, но и обеспечило серийное производство наиболее рациональных форм изделий, создало возможности для выделения ремесленников как особой социальной прослойки общества, а также изменило характер торгово-экономических связей. Древнейшими центрами металлургии и металлообработки стали Балкано-Дунайский регион, Кавказ, Южный Урал и Алтай.

Однако было бы серьезной ошибкой полагать, что бронзовый век сразу же сменил эпоху неолита на всей территории. Этому препятствовало два обстоятельства. Прежде всего, в отличие от кремниевых залежей, служивших основным источником для производства каменных орудий, месторождения меди расположены не повсеместно, а лишь в отдельных районах. Во-вторых, на начальных этапах внедрения медных орудий они изготавливались довольно трудоемким методом оббивки и не могли на первых порах конкурировать с кремниевыми. Неудивительно, что распространение медных орудий шло крайне медленно. Поэтому ряд археологов между неолитом и эпохой бронзы выделяют промежуточный пе-

риод – *энеолит* (по-латыни *энеус* – медный, по-гречески *литос* – камень), или медно-каменный век. Хотя для него характерно появление первых металлических орудий, все еще подавляющим было преобладание орудий из камня.

Ситуация коренным образом изменилась после открытия способа плавки меди. Это изобретение резко повысило эффективность процесса изготовления медных орудий, позволило перейти к массовому их тиражированию. В середине – второй половине 2-го тыс. до н. э. происходит чрезвычайно быстрое распространение предметов из меди и бронзы. Отдельные металлические орудия (наконечники копий, топоры, кинжалы), произведенные явно всего лишь в одном или нескольких центрах металлообработки, находят на бескрайних пространствах Евразии – от Монголии до Финляндии и Молдавии. Эти вещи оказались разбросанными на гигантской площади примерно в 3 млн км.

Первые подобные находки стали известны археологам еще в конце XIX – начале XX в. Поскольку они были найдены на территориях, занятых памятниками разнообразных культур и общностей, стало ясно, что перед нами следы происходившего во 2-м тыс. до н. э. торгового обмена. Процесс распространения этих предметов в литературе получил название *сейминско-турбинского феномена*. Химический анализ металла данных находок позволил установить их связь с древними рудниками Южного Урала и Зауралья, Рудного Алтая, которые, судя по данным археологии, эксплуатирова-

лись по крайней мере со 2-го тыс. до н. э. Все это позволило зафиксировать направления движения металла от Алтая до Урала и от Урала на пространства Восточной Европы.

Массовый обмен изделиями из металла, многие из которых находят за сотни и тысячи километров от мест их производства, привел к появлению гораздо более широких специфических образований – *культурно-исторических областей*. Это обусловило определенную культурную интеграцию, которая, в свою очередь, вызвала резкую активизацию как внутренних, так и внешних связей, результатом которых явилась консолидация населения и взаимодействие отдельных прежде не связанных друг с другом человеческих коллективов на все более широких территориях. На огромных пространствах Евразии начинают складываться большие культурные общности, каждая из которых охватывала ряд племенных групп.

Подобная обоюдность взаимодействия разных областей становится характерной и весьма значительной особенностью бронзового века, в немалой степени определившей дальнейшую судьбу многих народов того времени, заметные этнические и культурные изменения в последующие эпохи.

Древние племена Восточной Европы: киммерийцы и тавры

До сих пор, говоря о древнейших этапах освоения территории Восточной Европы, мы вынуждены были опираться исключительно на данные археологии. При этом следует учитывать специфику археологических источников: они, как правило, не содержат надписей или других подобных материалов, которые могли бы прояснить этническую принадлежность той или иной археологической культуры. Имеются некоторые трудности в методике определения ареалов отдельных археологических культур, их вычленения одной из другой, выяснения границ и буферных зон между ними.

Начиная приблизительно с 1-го тыс. до н. э. в нашем распоряжении оказывается на порядок больше сведений за счет появления письменных источников. И хотя они весьма скупо повествуют о народах, населявших территорию современной России в древнейший период ее истории, все же в трудах античных авторов находим перечисление нескольких десятков племен, когда-то живших здесь. Правда, это мало что дает современному исследователю, поскольку их локализация представляет очень большую сложность. Тем не менее у нас все же имеется достаточно данных, чтобы дать хотя бы общую картину заселения в глубокой древности Восточной Европы.

Первые сведения о географии этого региона дошли до нас благодаря древним грекам. Согласно античной письменной традиции, древнейшими обитателями степей Северного Причерноморья, имя которых известно, являлись *киммерийцы*. Этот воинственный народ, знакомый грекам со времен «Одиссеи» Гомера⁵, а под несколько измененным названием «гимиррай» упоминаемый в ассирийских клинописных текстах и дважды названный в Библии, обитал здесь вплоть до середины VII в. до н. э.

Память о нем еще долго сохранялась в ряде названий Восточного Крыма и, в частности, нынешнего Керченского пролива, который в Античности именовался Боспором Киммерийским. Судя по факту концентрации топонимов, производных от названия этого народа, можно было бы полагать, что область территории обитания киммерийцев в древности ограничивалась лишь современными Керченским и Таманским полуостровами. Между тем побывавший здесь в V в. до н. э. Геродот рассказывал, что ему показывали могилу «киммерийских царей» близ Днестра (карта 6).

Относительно географии расселения киммерийцев ныне существуют две противоположные точки зрения. Одна из них полагает, что, хотя этот народ составлял лишь одно из племен, живших в причерноморских степях, древние греки киммерийцами называли все племена, когда-то обитав-

⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. I. Античные источники. М., 2009. С. 16.

шие на широком степном пространстве между Днестром и Азовским морем, т. е. пользовались этим термином как собирательным. Согласно другой версии, в глубокой древности киммерийцы были действительно единственными обитателями степей Причерноморья.

По сообщению Геродота (взятого им у Аристеея Проконесского), киммерийцы были вытеснены в VII в. до н. э. из Северного Причерноморья скифами и переселились на южный берег Черного моря, в район современного Синопа⁶.

Что касается этнической принадлежности киммерийцев, дошедшие до нас единичные имена киммерийских царей (Лигдамис, Теушпа) позволяют увидеть в них племена восточноиранского происхождения. Однако с абсолютной уверенностью ответить на данный вопрос в настоящее время все еще затруднительно.

Первым это попытался сделать на археологическом материале украинский археолог А.И. Тереножкин. По его мнению, киммерийцы населяли причерноморские степи от Дона до Дуная в IX–VII вв. до н. э. В 1970-х гг. он связал происхождение киммерийцев с племенами последнего (белозерского) этапа срубной культуры позднего бронзового века, продвинувшимися из-за Волги. В их культуре он выделил две хронологические ступени. Первая и наиболее ранняя из них (900–750 гг. до н. э.) получила название Черногоровской культуры (по названию кургана у хутора Черногоровский на

⁶ Геродот. История: В 9 кн. Л., 1972. С. 190.

Украине), вторая, более поздняя (750–650 гг. до н. э.), стала именоваться Новочеркасской (по названию города Новочеркасск, у которого был найден клад предметов).

Вместе с тем другие исследователи не согласились с подобной классификацией. Причиной стало слишком небольшое количество археологического материала, дошедшего от этого времени. Сейчас в степях Северного Причерноморья известно около 50 погребений предскифского времени, но лишь 10–12 из них содержат вещи, поддающиеся достаточно точной датировке. Вследствие этого общепризнанной является лишь конечная дата истории киммерийцев в Северном Причерноморье – середина VII в. до н. э.

Смена киммерийцев скифами стала первой известной нам, но не единственной сменой племен в причерноморских степях. На протяжении столетий и тысячелетий здесь постоянно сменялись различные народы: скифы, сарматы, аланы, гунны, авары, печенег, половцы, татары и множество других племен, названий которых мы просто не знаем. Какова же была причина, раз за разом толкавшая кочевые народы переселяться из восточной части Великой степи в ее западные районы?

Данный вопрос – предмет давних и ожесточенных споров среди историков. В частности, ими отмечалось значение внутренних усобиц и неудачных войн с соседями, заставлявших проигравших бежать, как отдельными ордами, так и целыми народами. Но в случае с появлением скифов в Се-

верном Причерноморье причина кроется в ином. Археологи уже давно обратили внимание на запустение этого региона в VIII–VII вв. до н. э., что выражается в значительном уменьшении числа археологических памятников, относящихся к этому времени, сравнительно с предшествующим и последующим периодами. Указывалась и непосредственная причина запустения, а именно уход киммерийцев в Азию. Скифы, придя в Северное Причерноморье, застали его уже покинутым. Поэтому говорить о каких-либо военных столкновениях не приходится.

Однако подлинной причиной миграции киммерийцев, очевидно, стало ухудшение климатических условий. Эта мысль впервые была высказана М.И. Артамоновым. Согласно археологическим данным, основой хозяйства киммерийцев являлось скотоводство. Со стороны может показаться, что за несколько тысячелетий своего существования скотоводство в степи нисколько не изменилось. Для случайного наблюдателя время в степи остановилось – так же как современные монголы пасут скот в бескрайних степях, так же пасли его и киммерийцы в далекой древности. Однако это представление является всего лишь глубоким заблуждением – за несколько тысячелетий степной способ хозяйствования прошел несколько ступеней своего развития.

Судя по всему, киммерийцы находились на той стадии его развития, которую в науке в настоящее время принято именовать пастушеством. Огромные стада скота паслись в степи

круглогодично. Поскольку заготовка кормов на зиму отсутствовала, киммерийцы, после того как скот съедал всю траву на одном месте, переселялись на новые пастбища по соседству и, двигаясь таким образом по кругу, вновь приходили на прежние места, где к тому времени уже выростала новая трава. Для нас более важным оказывается состав стада киммерийцев. Среди домашних животных имелось 50–60 % коров, 30 % лошадей, а остальное составлял мелкий рогатый скот и свиньи.

Подобный экстенсивный способ хозяйствования всецело зависит от погодных условий. В качестве иллюстрации к этому утверждению приведем несколько цифр. Согласно современным вычислениям, на одном квадратном километре разнотравной степи без ущерба для природы можно выпасать до семи голов крупного рогатого скота или лошадей. Разумеется, цифра эта носит весьма условный характер и самым непосредственным образом зависит от погоды. В годы с большим количеством осадков этот же участок степи может прокормить вдвое большее количество скота, но в засуху ресурсы кормовой базы резко снижаются. Все это приводит к тому, что число скота у одной семьи возрастает или уменьшается в прямой зависимости от климатических условий. По весьма приблизительным подсчетам, древние скотоводы в благоприятные годы имели на душу населения в среднем до 19 голов скота, в пору упадка их число сокращалось до 5–9 голов. (Для сравнения заметим, что на протяжении веков эти циф-

ры мало менялись. Так, в предреволюционной Монголии в 1918 г. на душу населения приходилось около 17 голов всех видов домашнего скота.)

Для степной зоны Евразии очень характерны резкие перепады климатических показателей. Предугадать погоду всегда сложно, и понятно, что выдерживать оптимальные показатели соотношения голов скота на единицу площади древним скотоводам было крайне трудно. В этих условиях в ход, как правило, шел массовый забой скота, что позволяло уменьшать экологическую нагрузку на пастбища.

В ходе своей хозяйственной деятельности древним киммерийцам в итоге удалось приспособиться к подобным изменениям климата, когда вслед за дождливым годом приходит засуха и наоборот. Но они мало что могли противопоставить той глобальной эпохе похолодания, которая, по данным палеоэкологии, наступила приблизительно на рубеже VIII–VII вв. до н. э.

Результатом этой перемены климата, очевидно, должен был явиться кризис всей системы хозяйствования киммерийцев. Если раньше крупный рогатый скот, составлявший основу их стада, мог пастись круглогодично, то теперь на заснеженных равнинах причерноморских степей он не мог добывать себе корм из-под снега. Следствием огромных падежей скота явилась массовая миграция киммерийцев в более южные области и, как уже отмечалось выше, по сведениям Геродота, они очутились на южном побережье Черного моря.

Античные писатели после киммерийцев, начиная с VI в. до н. э., упоминают в причерноморских степях еще один народ – *тавров* и особенно много рассказывают о их жестоких обычаях, в частности об убийствах иностранцев, имевших несчастье попасть в их негостеприимную страну⁷. Память об этом народе сохранилась до сих пор в поэтическом названии Крыма – Таврида. Происхождение тавров покрыто мраком неизвестности, хотя некоторые ученые полагают, что они представляли собой не что иное, как потомков киммерийцев, вынужденных под напором скифов отойти в горные районы Крыма. Данное утверждение имеет под собой довольно серьезные основания. В дальнейшем, при описании различных миграций, увидим, что смены одного этноса другим никогда не бывали абсолютно полными – часть прежнего населения, несмотря на все невзгоды, оставалась на привычных местах прежнего обитания.

Несмотря на то что киммерийцы в основной своей массе покинули степи Восточной Европы, оставшимся таврам на протяжении долгого времени удавалось противостоять скифам, занявшим место своих предшественников на всем пространстве от Дуная до Дона, хотя в результате этого длительного процесса происходило смешение двух народностей. Об этом свидетельствуют античные источники, в которых встречаются термины «тавроскифы» и «скифотавры»⁸. Это поз-

⁷ Геродот. Указ. соч. С. 213.

⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. I. С. 148, 187, 242, 256.

волило некоторым исследователям полагать, что тавры являлись не потомками киммерийцев, а были родственниками скифов.

Свою независимость таврам удалось отстоять на протяжении очень длительного периода в борьбе как со скифами, так и с Херсонесом и Боспорским царством. Но в конце II в. н. э. они попадают под власть Понтийского царства. С середины I в. н. э. на Южном побережье Крыма закрепились римляне, и постепенно начинается процесс романизации тавров. В дальнейшем они ассимилировались с другими племенами, оседавшими в горном Крыму во время Великого переселения народов, хотя письменные источники подтверждают существование тавров вплоть до IV в. н. э.

Скифы

О пришедших на смену киммерийцам *скифах* сведений сохранилось гораздо больше. Во многом это стало возможным благодаря Геродоту, который посвятил обитателям Северного Причерноморья IV книгу своего труда⁹.

Поскольку письменные свидетельства не позволяют однозначно решить вопрос – откуда именно скифы появились в Северном Причерноморье, относительно их происхождения в литературе существует несколько версий. Одни выдвигают гипотезу о приходе скифов из степных просторов Центральной Азии, другие полагают, что они пришли несколькими волнами, начиная с середины II тыс. до н. э., из повожско-приуральских степей. Достоверно можно говорить лишь о том, что скифы принадлежали к иранской языковой группе индоевропейской семьи языков.

По сравнению с киммерийцами скифы сделали новый шаг в освоении степных просторов. Выходом из хозяйственно-го кризиса, поразившего причерноморские степи и ставшего причиной миграции киммерийцев, явились изменения в составе домашнего скота. При тогдашнем экстенсивном способе хозяйствования, когда корм для скота на зиму не заготавливался, основой стада становился не крупный рогатый скот, а лошади и овцы, которые могли круглый год находиться на

⁹ Геродот. Указ. соч. С. 187–238.

подножном корму и более других были приспособлены к тебеневке (добыванию корма из-под неглубокого снега). Именно овцеводство позволяло кочевникам наиболее эффективно использовать естественные пастбища. Овца хорошо приспособлена к поеданию и использованию пастбищной растительности. Заостренность морды, тонкие губы дают ей возможность откусывать траву очень близко к поверхности земли и находить для себя корм на пастбищах с низкорастущей растительностью. К тому же, в отличие от крупного рогатого скота, она более скороспела.

Это был период постоянной подвижности всего населения, стремившегося максимально расширить территорию для выпаса скота и захвата новых пастбищ. Для него были характерны свободное, непрерывное кочевание без определенных маршрутов в зимнее и летнее время. Необходимые продукты питания и ремесленного труда они получали от соседей главным образом военным путем, поскольку постоянно находились в состоянии войны-нашествия. Такую стадию кочевания, по мнению исследователей, прошли все народы евразийских степей. Именно к этому периоду в жизни скифов относится их красочное описание в труде Гиппократ:

«...называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие шестиколесные; они кругом закрыты войлоком и устроены, подобно домам, одни – с двумя, другие – с тремя отделениями; они непроницаемы ни для

воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две или по три пары безрогих волов... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях: за ними следуют их стада овец и коров и лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватает, переходят в другую местность»¹⁰.

Однако вместе с ростом стада и специализацией хозяйства возрастала и зависимость населения степи от погодных и климатических колебаний и состояния пастбищ. Любой сбой в природных циклах создавал кризисную ситуацию, которая не могла полностью компенсироваться незначительным земледелием, развивавшимся на зимних стоянках, в поймах рек и ручьев. В итоге это вызывало набеги, завоевательные походы и миграции.

Поэтому не случайно, что ранняя история скифов связана с походами в страны Передней Азии. Свидетельства об этом содержатся в ассирийских и вавилонских клинописных документах и у античных авторов, прежде всего у Геродота. Первое упоминание скифов (ишкуза или ашкуза клинописных памятников) на Древнем Востоке относится к 70-м годам VII в. до н. э., когда скифы под предводительством Ишпакая в качестве союзников Мидии и страны Манна выступили против Ассирии. С этого времени они действуют иногда вместе с киммерийцами, но чаще отдельно от них вплоть до начала VI в. до н. э.

¹⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. I. С. 74.

Впрочем, ассирийцы достаточно быстро поняли, что скифов можно привлечь на свою сторону, и при царе Партатуа (или Прототип, как его называет Геродот¹¹), вероятно наследнике Ишпакая, убитого в ходе войны с Ассирией, ассирийскому царю Асархадцону удалось заключить с ним союз. Благодаря поддержке скифов ассирийцы удачно отражали атаки мидян и осаждали важные центры Маннейского царства.

После Партатуа царем скифов стал его сын Мадий, при котором роль скифов в делах тогдашней мировой политики резко возросла. Судя по письменным источникам, скифы совершили много удачных военных походов в Передней Азии. В 50-х годах VII в. до н. э. Мадий при поддержке ассирийцев вел успешную войну с киммерийцами в Малой Азии. По свидетельству Геродота, в 623–622 гг. до н. э. столица Ассирии Ниневия была спасена от осады мидян только благодаря скифам. Разгром Мадием мидийского царя Киаксара, осаждавшего Ниневию, ознаменовал начало скифской гегемонии в Передней Азии. Войска Мадия прошли через Месопотамию, Сирию и Палестину и достигли Египта, где фараон Псамметих I (умер в 610 г. до н. э.), по свидетельству Геродота, смог остановить дальнейшее их продвижение, только откупившись богатыми дарами. Почувствовав свою силу, скифы изменили Ассирии и перешли на сторону коалиции Мидии и Вавилона. В 612 г. до н. э. они вместе с мидянами

¹¹ Геродот. Указ. соч. С. 44–45.

и вавилонянами овладели Ниневией и захватили огромную добычу.

Геродот сообщает, что скифы властвовали над Передней Азией 28 лет. По свидетельству древнего грека, они взымали с каждого дань, но, не довольствуясь только ею, постоянно совершали набеги и грабили все, что было у каждого народа¹². Ужасы скифских набегов нашли отражение в книгах библейских пророков. А их археологическим подтверждением являются находки на огромном пространстве в Месопотамии, Сирии, Египте и Закавказье скифских стрел, мечей-акинаков, а также погребений, видимо принадлежавших скифским воинам, погибшим на чужбине.

Время скифской гегемонии в Передней Азии различными исследователями определяется по-разному. Наиболее распространено мнение, определяющее этот период отрезком между 625 и 585 гг. до н. э., что в целом соответствует хронологической схеме Геродота. Серьезные расхождения между историками имеются и по поводу характера господства скифов в Передней Азии. Одни полагают, что здесь в этот период возникло достаточно стабильное Скифское царство. По мнению других, походы скифов в Азию были чисто грабительскими и совершались периодически непосредственно из Северного Причерноморья.

Конец гегемонии скифов в Передней Азии положил мидийский царь Киаксар. По свидетельству Геродота, он зама-

¹² Геродот. Указ. соч. С. 45.

нил скифских предводителей на пир и там, напоив, перебил их. «Так, – пишет историк, – мидяне восстановили прежнее величие своей державы»¹³. Считается, что после вероломного истребления скифов Киаксаром основная их часть возвратилась туда, откуда и пришла, т. е. в Северное Причерноморье.

По рассказу Геродота, скифы, вернувшись на родину, выдержали войну с потомками рабов, с которыми вступили в связь скифские женщины вследствие продолжительного отсутствия своих мужей¹⁴. В этой легенде исследователи видят намек на то, что скифам пришлось покорять вновь отпавшие от них племена. Отчасти это подтверждается тем, что к началу VI в. до н. э. относится скифское давление на земледельческое население лесостепи, приведшее к установлению зависимости последнего от скифов.

В VI в. до н. э. скифы уже не совершают далеких походов и устанавливают торговые связи с возникающими в Северном Причерноморье греческими колониями. К концу этого же столетия (к 514 или 512 г. до н. э.) относится наиболее известная страница истории скифов. Персидский царь Дарий с огромным войском (по Геродоту, 700 тыс. человек, по Ктесию – 800 тыс. воинов) выступил против скифов. Но сражаться в открытом бою с гигантской армией скифы не решились. Отправив женщин и детей далеко в тыл, они избра-

¹³ Геродот. Указ. соч. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 187.

ли тактику партизанской войны и стали заманивать Дария вглубь своей страны. С большим трудом персам удалось выбраться из Скифии, пожертвовав при этом своим обозом и ослабевшими воинами. С тех пор в античном мире за скифами утвердилась слава непобедимых воинов.

Война с персами способствовала сплочению скифских племен. По всей вероятности, именно после войны с Дарием окончательно сложилась та картина расселения скифских племен, которую застал Геродот, побывавший около середины V в. до н. э. в одной из причерноморских греческих колоний – Ольвии, основанной выходцами из Милета на берегу Буго-Днепровского лимана (карта 7).

Свои сведения о скифах Геродот получал от целого ряда своих информаторов, включая и доверенное лицо скифского царя Ариапифа некоего Тимна¹⁵, а также использовал собственные наблюдения. Страну скифов древний грек представлял себе в виде квадрата, каждая сторона которого равнялась 20 дням пути, или 4 тыс. стадий¹⁶. При выборе единиц длины Геродот, очевидно, пользовался аттическим стадием, равным 177,6 м. Таким образом, день пути в 20 стадий составлял 35,5 км, а Скифия представляла собой четырехугольник со стороной около 700 км. Южная граница Скифии проходила по побережью Черного моря от устьев Истра до Боспора Киммерийского, западная – по реке Петр, восточ-

¹⁵ Геродот. Указ. соч. С. 206.

¹⁶ Там же. С. 212–213.

ная – по реке Танаис. Северная граница определялась Геродотом по расселению нескифских племен между Танаисом и Петром.

Судя по Геродоту, через Скифию текли реки, из которых он называет восемь наиболее значительных: Петр с левыми притоками – реками Парата, Арар, Напарис, Ордесс и Тиарант; Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикап, Гипакирис, Герр и Танаис¹⁷. Однако на современной карте легко отождествляются далеко не все из них. Достаточно твердое соответствие находит из них Петр – современный Дунай. Но из его левых притоков современным определенно соответствует лишь Парата – Прут и, по всей видимости, Тиарант – Сирет. По поводу других притоков Дуная в литературе существуют различные мнения. Что же касается остальных рек, то установлено, что Тирас – это современный Днестр, Гипанис – Южный Буг, Борисфен – Днепр, Танаис – Дон. О приурочении рек Пантикап, Гипакирис, Герр до сих пор идут споры. Кроме восьми главных рек Скифии Геродот называет еще Оар, Лик и Сиргис, впадающие в Меотиду (Азовское море). Ученые предлагают видеть в них небольшие современные речки на северном берегу Азовского моря (карта 8).

Из достопримечательностей Скифии Геродот упоминает горький источник – Эксампей, впадающий в Гипанис на расстоянии четырех дней плавания по нему до моря, настолько горький, что, несмотря на свою незначительную величину,

¹⁷ Там же. С. 199.

он изменяет вкус воды в Гипанисе, с которым немногие реки могут сравниться по величине¹⁸. О местоположении Эксампея было выдвинуто много версий. Кроме рек, Геродот несколько раз упоминает большое лесное урочище Гилею¹⁹, обычно соотносимую с плавнями на нижнем Днепре.

Скифию, по Геродоту, населяли кочевые и земледельческие племена. Их описание идет в направлении с юга на север, при этом отправным пунктом служит Ольвия. Первыми названы *каллипиды*. Благодаря близкому соседству с греками они сравнительно рано подверглись эллинизации, и уже Геродот счел возможным назвать каллипидов и другим именем – эллино-скифы, настолько они, очевидно, ассимилировались с греческими колонистами. Далее в перечне Геродота следует другое племя – *ализоны* (или алазоны). И те и другие жили по-скифски, но сеяли хлеб, употребляли в пищу лук, чеснок, чечевицу и просо. Над ализонами жили *скифы-пахари*, которые сеяли хлеб, не для собственного потребления, а для продажи. Все эти племена жили по течению Гипаниса, к западу от Борисфена²⁰.

К северу от Гилеи, на протяжении 11 дней плавания по Борисфену, жили *скифы-георгои*, которых жители Ольвии называли борисфенитами. До недавнего времени термин «георгой» переводился как «земледельцы», и, таким об-

¹⁸ Геродот. Указ. соч. С. 200.

¹⁹ Там же. С. 189, 192, 201, 206.

²⁰ Там же. С. 191.

разом, это племя считалось вторым оседлым земледельческим племенем в Скифии²¹. Но затем было предложено иное его толкование. Очевидно, термин «георгой» является самоназванием этого племени и звучит как греческая передача скифского названия *gauvarga* («разводящие или почитающие скот»), т. е. скифы-скотоводы. Тем самым получает аргументированное объяснение непонятная ранее синонимичность в наименовании племен у Геродота: «скифы-пахари» и «скифы – земледельцы».

В этой связи интересно отметить, что у Геродота встречается и термин «сколоты» – самоназвание всех или одной из групп причерноморских скифов²². Некоторые из исследователей полагали, что сколотами назывались скифские земледельческие племена, а также пытались связать сколотов с происхождением этнического наименования славян. Однако эта точка зрения зачастую отвергается из-за ее недостаточной аргументированности.

В степи на восток от Борисфена до реки Герроса жили *скифы-кочевники*, а еще дальше до Меотиды и Танаиса, а также в степном Крыму обитали *скифы царские*, которые считали всех остальных своими рабами и были самыми сильными из всех родственных племен²³.

Точных границ между племенами Геродот почти не на-

²¹ Там же.

²² *Геродот*. Указ. соч. С. 188.

²³ Там же. С. 192.

зывает, а если и говорит о них, то связывает их с реками или местностями, идентификация которых вызывает споры. Некоторую ясность в этом вопросе могли бы дать археологические данные, которые позволили бы связать то или иное скифское племя с конкретной археологической культурой, которых к настоящему времени на территории Скифии известно уже несколько. Однако не все н. э. их культур одинаково хорошо изучены, и это создает большие трудности, препятствуя сопоставлению данных археологических источников с письменными. К тому же существенным моментом, влияющим на распределение племен, упомянутых Геродотом, на современной карте является то, как исследователи понимают содержание термина «Скифия» у Геродота: или это чисто политическое образование, куда входили как собственно скифские племена, так и не скифские по своей этнической принадлежности, то ли Скифия – единое целое, как политически, так и этнически, когда все скифские племена, кочевые и оседлые, едины по своему происхождению, языку, религиозным верованиям и политически находились под одной властью. Все это заставляет поднять вопрос о других племенах, которые упоминаются Геродотом.

Соседи скифов

Древнейшее население Восточной Европы не исчерпывалось скифами. Со всех сторон во времена Геродота Скифию окружали другие племена. В горной части Крыма жили тавры, к югу от Дуная – родственные дакам *геты*. Позднее они пересекли Дунай и расселились по территории Валахии и Молдавии. В источниках геты продолжают упоминаться до середины I в. до н. э.

Непосредственными соседями скифов на северо-западе были *агафирсы*. Геродот локализовал их у истоков реки Марис, впадающей в Петр (современная река Муреш в Трансильвании). По соседству с ними жили *невры*, являвшиеся северными соседями скифов-пахарей. Обычно их связывают с археологической милоградской культурой VI–III вв. до н. э. и помещают в верховьях Тираса (Днестра) и Гипаниса (Южного Буга) и в северо-восточном направлении от него к Припяти и Днепру. Восточнее располагались земли *андрофагов* (от греческого перевода слова «людоеды»). По данным Геродота, они были кочевниками и жили к северу от Скифии²⁴. Впрочем, достоверных сведений о них нет. Следуя не слишком ясному указанию Геродота, ученые отводили им очень разные территории, начиная с Днепровских порогов в среднем течении Днепра до нижнего течения Сулы, Пела и Вор-

²⁴ Геродот. Указ. соч. С. 212.

склы. Другая точка зрения доказывает, что андрофаги жили севернее Припяти. Археологически они сопоставляются с носителями днепро-двинской культуры, хотя существует и другая точка зрения, связывающая их с городецкой культурой (карта 9).

Еще одним племенем, соседствовавшим со скифами, Геродот называет *меланхленов* (от греческих слов *melanos* – черный и *chlaina* – плащ), получивших свое название по черной одежде, которую они носили²⁵. Ряд исследователей связывал с ними население археологической юхновской культуры, распространенной по верхнему и среднему течению Десны и по Сейму. Однако это противоречит свидетельству Геродота о том, что меланхлены были северными соседями царских скифов и жили в 20 днях пути от Меотиды. Поэтому более обоснованной представляется другая точка зрения, отводящая им область среднего Дона и степную зону от него. Будучи близкими по образу жизни скифам, они участвовали во многих их походах.

За Танаисом жили кочевники *савроматы* (*сарматы*), чьи земли тянулись вплоть до Урала²⁶. Еще до Геродота в этих местах побывал древний грек Аристей Проконисский (середина VI в. до н. э.), описавший их в своей поэме «Аримаспейя». Геродот знал об этой экспедиции и дополнил ее материалы сведениями, полученными им в Ольвии от грече-

²⁵ Там же. С. 192.

²⁶ Геродот. Указ. соч. С. 192.

ских купцов, торговавших с этими отдаленными народами. Об экспедиции Аристеея писали многие исследователи, однако среди них до сих пор нет единства мнений о направлении его маршрута и расположении стран, которые он посетил.

Предполагается, что путешествие Аристеея началось в устье Дона, и далее он двигался через территорию савроматов. Покинув ее, он сначала попал в страну *будинов*. Вопрос о размещении на современной карте будинов, на земле которых обитали *гелоны*, которых Геродот считал эллинами, выселившимися из греческих торговых городов в Северном Причерноморье и говоривших отчасти по-скифски, отчасти – по-гречески, остается до сих пор дискуссионным.

Свидетельства Геродота об этих народах противоречивы и неопределенны. Ясно лишь, что они жили к северу от савроматов, но в то же время примыкали к неврам, и это дало повод исследователям связывать их местоположение с различными территориями. По одной из версий, они жили в бассейне Среднего Дона, а по другой – на Средней Волге и Оке. Они имели деревянные укрепления и участвовали в борьбе скифов с Дарием. Этническая принадлежность их не выяснена: некоторые исследователи считают их иранскими племенами, близкими по происхождению к скифам, другие – финно-угорским народом, возможно предками мордвы, третьи видят в них предшественников славян.

По сообщению Геродота, опиравшегося на данные Аристеея, на самой окраине известного грекам мира жили *тисса-*

геты и родственные им иирки. Добираться к ним нужно было от будинов. К северу от них на расстоянии 7 дней пути шла пустыня, к востоку от которой жили тиссагеты, а рядом с ними иирки. Последние обитали в лесистой местности, добывая средства к существованию охотой, питались преимущественно мясом, а кости убитых животных приносили в жертву богам. Особо отмечает древний грек конную охоту иирков с помощью собак²⁷. В литературе эти племена локализуют по-разному, на огромной территории всей Северной Евразии, вплоть до предгорий Алтая. Однако эти названия племен, судя по всему, могут быть отнесены только к непосредственным соседям скифов и сарматов. Поэтому более оправданным выглядит соотнесение тиссагетов с племенами, обитавшими в лесной полосе Заволжья и западных районах Урала (по рекам Кама, Вятка, Белая и Чусовая), или, иными словами, в области распространения ананьинской культуры. Другие исследователи склонны связывать их с племенами городецкой культуры Волго-Окского междуречья. Вероятнее всего, тиссагеты принадлежали к древним угорским племенам севера Восточной Европы. Что же касается иирков, по некоторым предположениям, они жили в районе Уральского хребта и рядом исследователей рассматриваются как предки мадьяр.

Далее Аристей упоминает «других скифов», которые «восстали против скифских царей» и поэтому переселились

²⁷ Геродот. Указ. соч. С. 192.

в эту страну, которая описывается им как «ровная и плодородная». Это позволяет соотнести ее с черноземной областью к востоку от реки Тобол до Иртыша и далее, включая север современного Казахстана.

Еще дальше, в стране с каменистой почвой, у подножия высоких гор, жили *агриппеи*; они сооружали жилища из войлока, но имели мало скота. По Геродоту, даже с этим далеким племенем скифы производили торговый обмен. При этом им приходилось якобы прибегать к помощи семи переводчиков, чтобы объясниться с ними²⁸. Некоторые предполагают, что агриппеи жили в предгорьях Алтая. Уточнить их локализацию позволяет предположение, что агриппеи были добытчиками металлов. В верховьях Иртыша и в западных предгорьях Алтая археологами были открыты оловянные и медные рудники этого времени, а в районе Змеиногорска, примерно в 150 км к северо-востоку от Семипалатинска, обнаружены следы древней золотодобычи.

²⁸ Там же. С. 193.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.